

К.Г. Филимонов

**О КОНВЕРГЕНЦИИ
АКАДЕМИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК
В «ПОЛИТИКЕ
ИДЕНТИЧНОСТИ»:
ОТ ЭССЕНЦИАЛИЗМА
К УПРАВЛЕНИЮ
ИДЕНТИФИКАЦИЯМИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
СООБЩЕСТВ**

Аннотация

В статье рассматривается концептуальная эволюция «политики идентичности» и предлагается перспективное, по мнению автора, направление её развития — в рамках теории государства, исследований гражданства и концепций политического управления. Для обоснования исследовательской перспективы «политика идентичности» интерпретируется в управленческом ключе и вводится понятие «управление идентификацией политических сообществ». Данное понятие ориентировано на анализ управленческих запросов государства и политического управления. Эти запросы отсылают исследователя к необходимости выявлять роль идентификаций в управлении политическими сообществами: те когнитивные, социокультурные и дискурсивные компоненты, которые составляют и определяют суть человеческих идентификаций с обществами и государствами, которые выступают основной для процесса принятия политических решений, для разработки и реализации политических курсов и программ. Автор полагает, что для комплексного видения ситуации и оценки потенциала «идентичностей» в «строительстве наций», в политике или в управлении на сегодняшний день недостаточно подхода и ресурсов одной дисциплины — политической науки, теорий госу-

K. Filimonov

**ON CONVERGENCE
IN ACADEMIC
INVESTIGATIONS AND
POLITICAL PRACTICES
OF "IDENTITY
POLITICS":
FROM ESSENTIALISM TO
THE IDENTIFICATION
GOVERNANCE FOR
POLITICAL
COMMUNITIES**

Abstract

The article offers some interpretations of the IP and directions of research, according to the investigation of "identity politics" conceptual evolution. The author interprets the IP in governance manner as the concept of "identification governance for political communities", concerning the identification issue in a multidisciplinary perspective. The concept as proposed is focused on analyzing priorities of state and government in public administration and political governance. These priorities tend to explore such components of identifications in political community governance, as cognitive, sociocultural, and discursive. These components are conductive in shaping of human identifications with societies and states; they determine decision- and policy-making. The author suggests that current vision of the role of "identifications" as represented in separate disciplines such as political science, public policy and administration is not enough to explore the meaning of IP or identifications for state, governance and politics. These disciplines and their visions of "identity politics" meaning are in need of another, complex and multilevel research perspective. This perspective as sug-

дарственного управления или концепций публичной политики. Тему ведущей роли и значения идентификаций можно развивать в русле полидисциплинарного подхода, сочетающего достижения ряда дисциплин. Для обоснования подобного подхода в статье приводятся позиции политической теории, эмпирической политической науки, исследований гражданства, государственного управления и концепций публичной политики. В качестве точек пересечения исследовательских интересов в данных дисциплинах выявлен общий интерес к темам «управляемости» и «идентификаций». Представляется, что интерес к идентификациям, к их роли в политическом управлении может стать отправной точкой в развитии концепции «политики идентичности», основой конвергенции подходов различных дисциплин к исследованию вопросов, связанных с «идентичностями» в публичной сфере. Развитию данного интереса способствует интеллектуальная «мода», распространённая как в политике, так и в публичной сфере. Эта «мода» выражена через стремление найти источники социальной интеграции, способы обеспечения политической консолидации и основания для того, чтобы говорить о некоторых политических сообществах граждан как о «нациях».

Ключевые слова:

идентичность, политика идентичности, идентификация, политическая теория, гражданство, политическое управление, политическое сообщество, нация.

gested might be achieved only through the combination of approaches to such issues as “governability” and “identification”. The author believes that primary attention given to identifications and their role in public sphere and administration is convenient point to develop of the IP concept towards the convergence of relevant approaches. This convergence is also to facilitate as suggested through an emerging intellectual mode expressed in public and academic interest to investigate such themes as social integration, citizen’s role in political community and discourse of “nation-building”.

Key words:

identity, identity politics, identification, political theory, citizenship, governance, public administration, political community, nation.

«Политика идентичности» представляет собой интеллектуальную конструкцию, которая имеет и теоретическое, и практическое измерение: «идентичность» одновременно является и понятием в исследованиях политики, и элементом политического нашего лексикона. Однако если реальный политический дискурс быстро меняется, а аргументация политиков быстро забывается, растворяясь в информационном поле, то академический дискурс и университетское осмысление политического многообразия имеют гораздо более «устойчивый» характер. Иногда эта устойчивость вызывает некоторое расхождение между объяснительными позициями политических теоретиков и политическими реалиями. Академический дискурс об «идентичности» более консервативен, он зачастую не всегда спешит синхронизироваться с политической практикой или же, невзирая на прева-

лирующие в публичном поле темы, расставляет в объяснительных конструкциях по поводу «идентичности» совершенно другие акценты. В то же время, мы можем наблюдать случаи, когда академическое объяснение превращается в интерпретацию правительственного курса. Подобные ситуации происходят довольно часто. «Политика идентичности», на мой взгляд, представляет собой один из самых ярких случаев того, как, с одной стороны, формируются неупорядоченные отношения между теорией и практикой, или как периодически образуются «разрывы» между академической рефлексией и реальной политикой. С другой стороны, «политика идентичности» демонстрирует нам примеры того как стирается грань между академической и политической интеллектуальной «модой».

Данная статья направлена на то, чтобы идентифицировать эти «неупорядоченности», или «разрывы» и определить в терминах политической теории направление, в котором сегодня развивается интеллектуальная «мода» на «идентичности». Поставленные задачи представляются актуальными главным образом по той причине, что «политика идентичности» и как концепция, и как элемент политического лексикона продолжает завоёвывать сторонников и в академической, и в публичной сфере. Тезис данной статьи состоит в том, что исследование «идентичностей» в политике, а точнее идентификаций, на сегодняшний день требует уточнений и развития некоторых аспектов в структуре концепции. Поэтому в рамках статьи мы сфокусируемся на объяснительных способностях концепции и на тех элементах её структуры, которые менее устойчивы в аргументационном плане и требуют проработки. Проработка возможна как минимум по двум причинам. Во-первых, потому что в своём нынешнем виде «политика идентичности» представляет собой аналитическую конструкцию междисциплинарного плана, со множеством концептуальных заимствований и позициями, предполагающими несколько вариантов интерпретации, как это происходит с термином «идентичность». Во-вторых, наблюдение за развитием траекторий исследований, посвящённых «идентичностям» и проведённых к настоящему времени, уже позволяет делать общие выводы и говорить об интересе исследователей к некоторым сюжетам и тенденциям, связанным с идентификациями в политике. В статье намеренно используется слово «идентификация» вместо «идентичности» в качестве рабочего термина, это акцентирует внимание на действии и изменениях, с которыми прежде всего имеет дело политическая теория. Данный выбор также отсылает к проблематизации «идентичности» как академического понятия [9].

Определим на каких моментах сегодняшней политической реальности сфокусирована концепция «политика идентичности». Начнём с анализа

того, что было обозначено как «неупорядоченности» или «разрывы» между академической рефлексией и политической практикой. Причина этих явлений, на мой взгляд, состоит прежде всего в том, что исследователи политики в своих изысканиях смешивают объяснительный язык политической теории с элементами лексикона из практической политики. Политические теоретики указывают на эту проблему уже достаточно долгое время [18, 20], однако данная проблема не перестаёт быть актуальной. Мы не рассматриваем обстоятельства, приводящие к этому, а также концептуальные последствия такого рода заимствований, но отметим лишь, что именно смешение объяснительных позиций и политических суждений чаще всего ведёт к интересующей нас тенденции. Тенденция эта состоит в том, что нарушается баланс в ситуации, предполагающей равномерное распределение позиций исследователей, публичных экспертов и комментаторов между академическим анализом «политики идентичности» (как отражения опыта политического сообщества) и технологическим обоснованием политических курсов правительств. Даже академические исследования часто склоняются в сторону интерпретации политических курсов или комментариев по поводу того, насколько позитивно социальные институты (например, образование) влияют на формирование «национального самосознания». Не отрицая важности ежедневного политического мониторинга, я хочу привлечь внимание к необходимости создавать интеллектуальные инструменты, рассчитанные на значительный период, позволяющие учитывать не только ежедневные колебания политического курса, но и анализировать накопленный политический опыт и трансформировать его в концепции, определяющие развитие политических сообществ. Достижение упомянутого баланса между интересом к теории и интересом к политической практике возможно именно с использованием таких инструментов, воплощённых в полидисциплинарных концепциях, которые могут учитывать динамику политического процесса и концептуальные изменения, происходящие на уровне политического сознания.

Сегодняшняя «политика идентичности» нуждается в том, чтобы получить фундаментальное обоснование и регулярную интерпретацию интеллектуальных течений, лежащих в основе курсов и программ, составляющих суть этой политики. Это возможно за счёт выработки многоуровневой структуры анализа, учитывающей и уровень идеологий, и уровень принятия решений, и актуальные политические акции субъектов политики. Однако большая часть исследований и комментариев, посвящённых вопросам идентификации, ориентирована не на сравнительный анализ и объяснение политических процессов, которые происходят в политическом сообществе

параллельно и на разных уровнях. Эта часть исследований ориентирована на политические тренды — чаще всего на интенсификацию присутствия «национального чувства» в информационном поле или на политизацию этничностей и связанных с этим конфликтов. Ведущим агентом происходящих политических процессов чаще всего становятся правительства государств, а внимание аналитиков сосредоточено на оценке и генерализации позиций по поводу того, как в публичном поле поведёт себя то или иное правительство, решая вопросы целостности политического сообщества или государства (как в случае шотландского референдума по выходу из состава Соединённого Королевства в 2016 году). Разумеется, не все исследования «политики идентичности» сегодня сводятся к интерпретации роли и акций одного субъекта (чаще всего государства) в процессах, связанных с идентификациями, хотя, как будет показано далее, в этом направлении развивается концепция «политика идентичности». Однако стоит отметить, что параллельно с этим действующим субъектом, интерпретации позиций которого уделяется так много внимания, активны и другие, их позиции также имеют значение для вопросов идентификации и единства политического сообщества. К числу этих субъектов можно отнести социальные институты, гражданские ассоциации и деловые сообщества.

Приведённая тенденция в понимании и объяснении «политики идентичности» — прерогативы правительств и государств — справедлива сегодня и для российских, и для зарубежных исследований. Специфика российского случая может быть передана через внимание правительства и экспертов к вопросам политизации этничности, которые являются приоритетными в политическом дискурсе. Эти вопросы обсуждаются чаще, чем, например, темы гражданства, политического участия, и роли граждан в процессах, определяющих развитие российского политического сообщества. Однако интересно то, что внимание исследователей не слишком сосредоточено на разработке академических концепций, позволяющих правительству улаживать вопросы, связанные с этничностью; это несмотря на то, что публичные экспертные комментарии по данной теме появляются регулярно, равно как постоянным является обсуждение данной темы в информационном поле.

В этой ситуации обнаруживаются «разрывы», о которых идёт речь: между потребностями политической практики и работой политической теории. Они состоят в том, что академическое сообщество не разрабатывает подходы к анализу проблем идентификации в той мере, как того требуют политическая теория и практика. Вряд ли можно утверждать, что теория не уделяет должного внимания теме, скажем, этнополитических конфликтов.

Напротив, можно ознакомиться с пулом работ, из которых получим исчерпывающее представление о генеалогии темы и моральных позициях в данной области. Однако аналитических конструкций, предполагающих структурированное видение и аналитику этничности, национализма или «национальной идентичности» – от идей и убеждений до имплементации в политический курс, до оценки данного курса в разработанных показателях/индикаторах – подобных конструкций в аналитике «идентичностей» пока не появлялось. Также «идентичности» до недавнего времени напрямую не связывались с темой политического управления и политического участия граждан. Интеллектуальные инструменты такого рода ещё предстоит подготовить. Пока же в области «политики идентичности» складывается ситуация, в которой чем ближе исследователи подходят к выявлению сути «идентичностей», тем дальше из поля наблюдений уходят реальные политические тренды, заслуживающие внимания и ориентированные на вопросы политического управления. Это становится заметным в ситуации, когда государственная политика сосредоточена на этничности или «нации» как ключевых факторах политического единства [2], но при этом отсутствуют развёрнутые теоретические позиции, показывающие, почему, например, в российском случае именно этничность или «нация» могут, или должны стать ключевыми элементами политического лексикона и как они способствуют консолидации российского политического сообщества.

Политическая реальность непрерывно увеличивает число требований к объяснительным способностям политической теории, в том числе к тем её областям, где объясняют легитимацию сложившихся политических порядков, устойчивость институтов и активность граждан – необходимое условие как первого, так и второго. Вполне естественно, что одна из задач для исследователей, на которых возложена задача экспертного сопровождения политических курсов, состоит в том, чтобы интерпретировать и оценивать эти курсы. Однако, как было отмечено выше, в академическом исследовании политики это не единственная задача, более того, она не всегда может претендовать на статус приоритетной, учитывая скорость политических изменений. Анализ субъектов и активностей «политики идентичности» помимо официального правительственного курса и дискурса «единства» должен учитывать большее количество позиций, касающихся, в частности, гражданской активности. «Политика идентичности» как аналитический инструмент подразумевает такую возможность.

Анализ эволюции концепции показывает, что на сегодняшний день в изучении темы идентификаций в политике намечается конвергенция, с одной стороны, подходов политической теории, исторических и социологиче-

ских, а с другой стороны подходов теорий государственного управления и управления отношениями в публичной сфере. Первые смещают фокус исследования на проблемы государства, легитимации и устойчивости политической системы [8], а вторые находятся в поиске устойчивых теоретических оснований для описания актуальных тенденций в развитии политических сообществ [13]. В число этих тенденций, в частности, входит очередная смена формата отношений между гражданами и правительствами государств, требующая от первых большей вовлечённости в дела политического сообщества, а от вторых ещё большей гибкости в регулировании публичной сферы. Точкой пересечения исследовательских интересов — источником упомянутой конвергенции — в данной ситуации становится тема, которую в рамках этой статьи за неимением более гибкого термина я обозначу как «управление идентификациями политических сообществ». Представляется, что именно эта тематическая и исследовательская конвергенция может обеспечить искомый многоуровневый характер концепции «политики идентичности» и привлечь внимание к тем политическим акциям, практикам и субъектам, которые действительно имеют значение для искомой правительствами социальной интеграции и политического единства. Поясним эту позицию подробнее на примере развития концепции «политики идентичности».

В рамках политической науки эта концепция прошла путь от объяснительной конструкции, ориентированной на публичную политику, гражданское участие и социальные движения (50-70-е гг. XX в.), до конструкции, описывающей роль и способности государства (конец 90-х гг. XX в.). История этой эволюции описана в научной литературе достаточно подробно [4; 7] и нас интересуют лишь некоторые тенденции в развитии концепции, которые проявились в политической и исследовательской повестке дня в последнюю четверть века. В конце 1990-х гг., на первый план выходят темы институциональных изменений, мультикультурализма и трансформации государства. В концептуальном отношении это время сотрудничества экспертов и правительств, время поиска новых к подходов к политическому, государственному и административному управлению при нарастающем влиянии глобализации и в условиях нового сетевого, «информационного» и мультикультурного общества. Именно в это время наблюдается развитие практического и теоретического интереса к интерпретации «политики идентичности» как попытки управлять «идентичностями» политических сообществ: конструировать, развивать и поддерживать групповые, региональные и национальные «идентичности».

Позднее, к середине 2000-х гг. внимание публичных экспертов и исследователей, в том числе российских, всё более сосредоточено на теме единства политических сообществ (регионов, государств или наднациональных объединений). В повестке дня возникают вопросы о том, как это единство обеспечивается, как его можно обеспечить эффективно и какую роль в этом могут играть институты государства. Область формирования «идентичностей» становится профессиональной деятельностью и институционализируется [1]. Ведущую роль в этой области отводят государству, которое становится основным «производителем политики» и развивает новые возможности для решения политических проблем, навязывая определённые «идентичности» [6, с. 96].

В таком несколько конструктивистском контексте политический курс на «идентичность» предстаёт не более чем институционализацией мер, направленных на утверждение некоторой политической доктрины. В российском случае это доктрина «национальной идентичности», для её утверждения, продвижения и оценки результатов в системе политико-административного управления создают структуры, деятельность которых направляется принятыми государственными программами, призванными способствовать социальной интеграции, снижению этнической напряжённости и политической консолидации [2]. Параллельно с этими мерами курс на формирование «нации» получает информационную поддержку, распространяясь через медиа и получая освещение в публичной сфере: о «национальном единстве» говорят публичные эксперты и члены правительства, апеллирующие к национальным интересам [3]. Косвенным образом дискурс «национальной идентичности» утверждается через академическую сферу: через работы исследователей, которые не могут полностью игнорировать актуальные политические тенденции.

Приведённое конструктивистское описание, на первый взгляд, подталкивает к тому, что начать рассматривать российский случай в рамках подхода, суть которого мы в общих чертах привели ранее: сочетать различные уровни интеллектуального инструментария исследований политики и управления. В рамках такого подхода изучение «политики идентичности» будет многоаспектным: от выявления принципов, лежащих в основе соглашений и единства политического сообщества, до оценки решений, принятых в рамках политических процессов и реализации курсов, направленных на усиление чувства «национального» в политическом сознании граждан. Подобная исследовательская траектория в чём-то близка «аналитике управления» — подходу, предложенному в междисциплинарных исследованиях власти и управления [11]. С этим подходом нашу исследователь-

скую стратегию сближает стремление ответить на вопрос «как?», в отличие от большинства исследований, посвящённых «идентичностям» и отвечающих на вопрос «что?» — что есть «национальная идентичность» или «региональная», или же «макрополитическая». В рамках данной статьи не оспаривается вопрос о важности дефиниций или корректности существующих определений, разработанных для политических явлений. Более того, не оспаривается релевантность исследовательской стратегии, в основе которой лежит вопрос «что?». Я лишь привлекаю внимание к тем случаям исследований темы идентификаций в политике, где вопрос «что?» не всегда сможет работать или, по меньшей мере, наряду с ним должен присутствовать другой вопрос, например, «как?». Случаи такого рода, связанные с корректностью вопросов исследования и с употреблением понятий, подробно рассматривают специалисты по интеллектуальной истории [14]. Для данной статьи важны их выводы, подтверждающие предположение о том, что в некоторых ситуациях суть явления может быть передана лишь через наблюдение конкретных практик, осуществляющихся в определённых контекстах.

Для «политики идентичности», как интеллектуальной конструкции, относящейся и к области политической практики, и к области политической теории, в аналитической перспективе это означает по меньшей мере необходимость расширить фокус исследования. Расширение фокуса исследования поможет устранению «разрывов» между теорией и практикой: аналитикам «идентичности» следует учитывать деятельность большего числа агентов политического процесса — граждан, ассоциаций, представителей делового сообщества — не только правительств, официальных медиа и экспертов, обеспечивающих реализацию правительственных курсов. Разумеется, анализ политических практик и стратегий субъектов «политики идентичности» невозможно расширять до бесконечности. Всегда необходимо обозначать степень генерализации исследования. Но если исследователь намерен сузить предметную область «политики идентичности» до темы принятия решений в области национальных конфликтов или государственной политики по гармонизации межэтнических отношений, то следует об этом сказать и ясно обозначить границы, дальше которых его выводы не распространяются. Забегая вперед и говоря о развитии концепции, отметим, что в отдалённой теоретической перспективе необходимо будет уделять внимание тому, как развиваются на различных уровнях политического устройства и в различных масштабах (государственных или наднациональных) практики и убеждения, связанные с идентификациями. Представляется, что параллельно с этим может быть получен ответ на вопрос о дефинициях, который так волнует многих исследователей «политики идентичности».

Рассмотрим в заключение позиции «политики идентичности», которые представляются потенциальными точками роста её будущей объяснительной способности и полезности как аналитического инструмента. Представляется, что принцип полидисциплинарности, общий тренд на конвергенцию в теории и на практике, а также способность концепции агрегировать достижения других дисциплин могли бы стать этими точками роста. Однако прежде чем выдвигать какие-либо предложения по аналитическим приоритетам для «политики идентичности», определим интерес, определяющий «интеллектуальную моду» на «идентичности».

Исследователи политики и сами политики, как представляется, не просто ориентированы на поиск ответа на вопрос «что такое идентичность?» («национальная» и т.д.). Данный вопрос — предмет скорее для теоретического форума или публичной дискуссии, выслушивают имеющиеся точки зрения. Я полагаю, что для аналитика темы идентификаций в политике вопрос должен стоять по-иному, особенно будучи помещённым в контекст какой-либо темы. В нашем случае, как показывает эволюция концепции «политики идентичности», эта тема связана с проблемами государства и политического управления. Поэтому необходимо задаваться вопросом как управлять идентификациями — имеющимися или теми, которые мы можем сформировать.

Данный интеллектуальный тренд следует зафиксировать и наблюдать с помощью имеющегося инструментария. Для этого подходят те инструменты, которыми располагают история и политическая теория, постоянно анализирующие вариации приведённой тенденции. И в качестве подходящего интеллектуального инструментария здесь можно привести изыскания интеллектуальных историков и политических теоретиков, посвящённые истории понятий и идей, политической этике, а также темам человеческого поведения и политических ассоциаций [15, 16, 18]. Эти изыскания во многом определили позицию автора статьи в вопросах разделения академических понятий и элементов политического лексикона и дискурса. К ранее сделанному замечанию, которое касается слова «идентичность», следует добавить замечание по поводу слова «национальный», а также его союза со словом «идентичность» в политическом дискурсе. «Национальная идентичность» и разворачивающееся вокруг неё политическое и интеллектуальное действие являются, хорошим примером того, что политическая теория называет «идеологической политикой» [18, с.245]. Это стиль политики, который регулярно сопровождает дилемма выбора: между (а) верным следованием идеологическим принципам, которые суть абстракции опыта (часто не личного) и (b) практическим опытом и его суждениями. Идеологический

стиль склоняет агентов политики к тому, чтобы делать выбор в пользу первой позиции. Интерпретаторы этого выбора, в свою очередь, рассуждают о сделанном выборе, анализируя элементы политического лексикона и дискурса, которые возможно и не бесцельны, однако нередко являются искусственными риторическими конструкциями, поскольку базируются на опыте политического курса, управляющим началом которого являются абстрактные принципы.

Какое значение это имеет для «национальной идентичности» в аналитической перспективе? «Национальная идентичность», возможно и существует в публичной сфере, в представлениях обществ или в политических программах правительств, в силу самой постановки вопроса, которая определяется интересами агентов политики. Однако интерес политического теоретика, я полагаю, состоит в первую очередь в том, чтобы выяснить, какие причины, принципы или опыт побуждают агентов политики к постановке вопроса о «национальном» и об идентификациях. Проникновение же идеологической политики в сферу, где создаются объяснительные конструкции, в академическую работу, приводит к тому, что абстрактным существительным, таким как «идентичность» или «нация» приписываются объяснительные способности и характеристики, подобные тем, которые мы используем, когда описываем явления из собственного опыта. Мы тратим много времени чтобы подобрать достаточно хорошее описание для конструкта «национальной идентичности», его свойств и ролей, но, когда необходимо рассмотреть практические ситуации, в которых этот конструкт появляется и реализует предписанные ему роли, кажется, что исследователи политики отступают, ограничиваясь обзором принципов правительственной публичной политики, которые, предположительно, были реализованы в тех или иных ситуациях.

Данная ситуация является следствием распространения идеологического стиля в политике. Однако данный стиль, как мне представляется, является отражением более общей интеллектуальной «моды», которая то появляется, то исчезает и которую коротко можно обозначить как стремление к единству. В случае политики, в которой стремятся к достижению того идеального типа, которым является «национальная идентичность», стремление к единству, выраженное в человеческих действиях, сопровождается риторикой «нации». В исследованиях, на результатах которых мы базируемся в данной статье, характер предпринятых действий описывается через два понятия: (1) политика убеждения (the politics of faith) и (2) политика коллективизма (the politics of collectivism) [15; 16]. Первое предполагает, что в политическом сообществе человеческой деятельностью управляют

таким образом, что формируют некий идеальный тип, соответствующий убеждениям тех, кто управляет и тех, кто согласен с этим управлением. Второе предполагает стиль политического управления, в котором главным предметом забот правительства становится утверждение определённого стиля поведения у объектов управленческого воздействия, организация их деятельности таким образом, чтобы она соответствовала данному стилю. Управление сводится к цели сформировать некое «политическое сообщество», путём определения «общего блага» и консенсуса по поводу этого общего блага, путём поддержания этики «солидарности».

Сегодняшняя междисциплинарная концепция «политики идентичности», выросшая из социологии и эмпирической политической науки, заимствующая инструментарий психологии и исторической науки, фокусируется именно на описанных тенденциях: коллективизме, стремлении к единству и попытках формирования убеждений, имеющих политическую силу. Это попытка описать идеальный характер («нации», например), который намеренно культивируется через риторику, политические действия и институты, а также используется в политических целях как инструмент, предписывающий идентификацию с определёнными убеждениями и стилями политики.

Однако в этой концепции недостаёт, на мой взгляд, внимания к двум моментам, которые дополняют и будут способствовать развитию её полидисциплинарности. Первый момент отсылает к политической теории, а именно к исследованиям гражданства и политического участия (citizenship studies). Второй отсылает к стремлению «политики идентичности» принять вид концепции, связанной с темами политического управления и развития государства, то есть к области государственного управления и публичной политики (public administration).

В «политике идентичности» исследования гражданства проясняют то, в какой мере в сознании политического сообщества присутствуют описанные выше стремление к коллективизму, единству и убеждённость в необходимости построить «нацию». Эти стремления определяют сущность гражданства – ключевой категорией исследований, обозначающей статус члена политического сообщества. Также они дают представление о том, какой стиль идеологической политики является для политического сообщества предпочтительным: либеральный, консервативный, республиканский или коммунитаристский. В соответствии с выбранным стилем формируются соответствующие «модели» гражданства» [12], искомые идеальные типы «наций» и предпочтительные убеждения, определяющие фундамент идентификаций. «Гражданство как идентичность» — концептуальная формула, которую принимает «политика идентичности» в контексте исследований

гражданства и в поле политического управления, обеспечивающего баланс между актуальными политическими взглядами граждан и официальным курсом правительства.

Академическое и экспертное сообщества в наблюдениях устойчивых политических практик и в оценках эффективных политических курсов формируют подход к решению данной задачи – новый взгляд на политическое управление и государственное администрирование (*emerging approach to public administration*). В этом подходе зафиксированы очередные изменения ролей агентов публичной сферы: граждан, неправительственных ассоциаций, государства (правительства), а также корпораций, представителей делового сообщества. Утверждается, что роль правительств теперь состоит в том, чтобы быть гарантом публичных ценностей – того, что создаётся агентами публичной сферы, в частности, политическим сообществом. Граждане, корпорации и неправительственные ассоциации выступают в этой формирующейся системе отношений как активные субъекты, решающие вопросы публичной сферы [10, с. 445].

Данный подход к государственному управлению и решению вопросов публичной сферы подразумевает широкую степень вовлечённости граждан в публичные дела, в его основе лежит принцип формирования гражданской перспективы участия в публичных делах, принцип развития мотивации для участия в процессе принятия решений [13; 20]. Подход описывает те тенденции в практике публичных дел, которые имеют значение для граждан – субъектов этих процессов: мотивация проявить себя, принять участие в определении условий своей жизни и снизить степень неопределённости, формируя «образ будущего». Перечисленные тенденции – это слагаемые «идентичностей», они определяют идентификации агентов политики (с тем, что они делают и в чём принимают участие), а необходимый характер – «национальный», «региональный» или какой-либо иной – им придаёт соответствующий дискурс публичной сферы и риторика информационного пространства.

Какое значение перечисленные замечания имеют для концепции «политики идентичности»? Представляется, что связующим звеном между темой политико-административного управления и темой роли «идентичностей» в политике является приведённая формула «гражданство как идентичность». Эта формула через понятия «управляемость» и «идентификация» позволит анализировать и описывать интересующие нас политические практики, статусы и вопросы публичной сферы. В интеграции этих двух теоретических трендов я вижу объяснительную перспективу для кон-

цепции «политики идентичности» как аналитики «управления идентификациями политических сообществ».

Данная статья была посвящена тому, чтобы способствовать развитию объяснительных способностей концепции «политики идентичности». Я полагаю, что с учётом той теоретической и объяснительной ориентации, которая характеризует сегодня «политику идентичности» в политической теории, а также с учётом практического интереса к «идентичностям» в политической сфере, эту концепцию можно интерпретировать и сформулировать в несколько ином ключе, как «управление идентификациями политических сообществ». Данную авторскую интерпретацию «политики идентичности» можно развивать в русле полидисциплинарного подхода к изучению идентификаций политических сообществ. Подход может быть ориентирован как на потребности политической теории, так и на запросы государственного администрирования и политического управления, которые нуждаются сегодня в гибких и адаптивных подходах к решению политических и управленческих проблем.

Исследовательский интерес к идентификациям и к их роли в политическом управлении может стать новой точкой развития концепции «политики идентичности» и основной конвергенции подходов различных дисциплин к исследованию вопросов, связанных с «идентичностями» в публичной сфере. Развитию данного интереса способствует интеллектуальная «мода», выраженная стремлением найти источники социальной интеграции, способы обеспечения политической консолидации и основания для того, чтобы говорить о некоторых политических сообществах граждан как о «нациях». Данная «мода» распространена сегодня как в политике, так и в академической сфере; но в последней, как полагает автор, необходимо уделять больше внимания разработке ключевых аналитических понятий и избегать того, чтобы объяснять политическую реальность с помощью элементов из актуального политического лексикона.

Концепция «политики идентичности» должна стать интеллектуальным инструментом, рассчитанным не только на то, чтобы анализировать текущие политические акции и популярные темы, определяющие информационную повестку, но и на то, чтобы дать представление о результатах, последствиях и перспективах сегодняшних политических курсов, связанных с идентификациями, убеждениями и статусами агентов политического процесса. Чтобы получить данные представления и учитывать их в делах политического управления, государства и политического сообщества в целом, нынешний фокус исследования следует расширить там, где это возможно.

Представляется, что первые шаги в этом направлении, как показано в данной статье, могут быть сделаны через привлечение результатов исследований смежных дисциплин — концептуальных положений теории гражданства, а также новых подходов к статусу граждан, роли идентичности и политического участия в теориях государственного управления и публичной политики. Кроме того, принципиальное значение имеет постановка вопроса исследования, определяющая структуру анализа. В некоторых случаях, например, в случае «национальных идентичностей» нам следует перестать стремиться ответить на вопрос о сути феномена («что есть «национальная идентичность»?») и перейти к вопросу о том, как он формируется в дискурсе, в публичной сфере и в политике (вопрос «как?»). Структура анализа процессов, связанных с идентификациями, должна быть многоуровневой: она должна включать как исследование на уровне идеологий, где разбираются ключевые понятия и элементы политического дискурса, так и аналитику на уровне принятия решений, где рассматриваются отдельные политические акции, оценивается эффективность государственных программ и даются рекомендации для отраслевых политических курсов.

Литература

1. Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2013. №4.
2. Государственная программа «Реализация государственной национальной политики». URL: <http://government.ru/programs/478/events/> (дата обращения 02.07.2017).
3. Заседание Совета по межнациональным отношениям 31 октября 2016 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53173> (дата обращения 02.07.2017)
4. Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции / отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева, В.В. Лапкин, П.В. Панов, М.: ИМЭМО РАН, 2011.
5. Послание Президента Федеральному Собранию 4 декабря 2014 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения 02.07.2017)
6. Соловьёв А.И. Государство как производитель политики // Полис. 2016. №2.
7. Abdelal R., Herrera Y.M., Johnston A.I., McDermott R. Identity as a Variable // Perspectives on Politics. 2006. Vol. 4. №4.

8. Béland D. Identity, politics, and public policy // *Critical Policy Studies*. 2017. Vol. 11. №1.
9. Brubaker R., Cooper F. Beyond «identity» // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. №1.
10. Bryson J.M., Crosby B.C., Bloomberg L. Public Value Governance: Moving Beyond Traditional Public Administration and the New Public Management // *Public Administration Review*. 2014. Vol. 74. №4.
11. Dean M.M. *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*, London: SAGE, 2010.
12. Delanty G. Models of citizenship: Defining European identity and citizenship // *Citizenship Studies*. 1997. Vol.1. №3.
13. Hafer J.A., Ran B. Developing a Citizen Perspective of Public Participation: Identity Construction as Citizen Motivation to Participate // *Administrative Theory & Praxis*. 2016. Vol. 38. №3.
14. Mandler P. What is "National Identity"? Definitions and Applications in Modern British Historiography // *Modern Intellectual History*. 2006. Vol. 3. №2.
15. Oakeshott M. *Morality and Politics in Modern Europe*, New Haven: Yale University Press, 1993.
16. Oakeshott M. *The Politics of Faith and the Politics of Scepticism*, New Haven: Yale University Press, 1996.
17. Oakeshott M. The Vocabulary of A Modern European State // *Political Studies*. 1975. Vol. 23. №2-3.
18. Oakeshott M. *What is History?: And Other Essays*, Exeter, Imprint Academic, 2004, P. 454
19. Wolin S.S. Political Theory as a Vocation // *The American Political Science Review*. 1969. Vol.63. №4.
20. Yang K. Creating Public Value and Institutional Innovations across Boundaries: An Integrative Process of Participation, Legitimation, and Implementation // *Public Administration Review*. 2016. Vol. 76. №6.

References

1. Achkasov V.A. Politika identichnosti v sovremennom mire. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2013. №4.
2. Gosudarstvennaya programma «Realizatsiya gosudarstvennoi natsional'noi politiki». URL: <http://government.ru/programs/478/events/> (data obrashcheniya 02.07.2017).

3. Zasedanie Soveta po mezhnatsional'nym otnosheniyam 31 oktyabrya 2016 goda. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53173> (data obrashcheniya 02.07.2017)
4. Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza. Sbornik statei po itogam Vserossiiskoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii. otv. red. Semenenko I.S., Fadeeva L.A., Lapkin V.V., Panov P.V., M.: IMEMO RAN, 2011.
5. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 4 dekabrya 2014 goda. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (data obrashcheniya 02.07.2017)
6. Solov'ev A.I. Gosudarstvo kak proizvoditel' politiki. Polis. 2016. №2.
7. Abdelal R., Herrera Y.M., Johnston A.I., McDermott R. Identity as a Variable. *Perspectives on Politics*. 2006. Vol. 4. №4.
8. Béland D. Identity, politics, and public policy. *Critical Policy Studies*. 2017. Vol. 11. №1.
9. Brubaker R., Cooper F. Beyond «identity». *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. №1.
10. Bryson J.M., Crosby B.C., Bloomberg L. Public Value Governance: Moving Beyond Traditional Public Administration and the New Public Management. *Public Administration Review*. 2014. Vol. 74. №4.
11. Dean M.M. *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*, London: SAGE, 2010.
12. Delanty G. Models of citizenship: Defining European identity and citizenship. *Citizenship Studies*. 1997. Vol.1. №3.
13. Hafer J.A., Ran B. Developing a Citizen Perspective of Public Participation: Identity Construction as Citizen Motivation to Participate. *Administrative Theory & Praxis*. 2016. Vol. 38. №3.
14. Mandler P. What is "National Identity"? Definitions and Applications in Modern British Historiography. *Modern Intellectual History*. 2006. Vol. 3. №2.
15. Oakeshott M. *Morality and Politics in Modern Europe*, New Haven: Yale University Press, 1993.
16. Oakeshott M. *The Politics of Faith and the Politics of Scepticism*, New Haven: Yale University Press, 1996.
17. Oakeshott M. The Vocabulary of A Modern European State. *Political Studies*. 1975. Vol. 23. №2-3.
18. Oakeshott M. *What is History?: And Other Essays*, Exeter, Imprint Academic, 2004, P. 454
19. Wolin S.S. Political Theory as a Vocation. *The American Political Science Review*. 1969. Vol.63. №4.
20. Yang K. Creating Public Value and Institutional Innovations across Boundaries: An Integrative Process of Participation, Legitimation, and Implementation. *Public Administration Review*. 2016. Vol. 76. №6.